

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.7 (314.72+316.35)

О МИГРАЦИОННЫХ ИНТЕНЦИЯХ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

О. В. Васильева

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва)
Ovasileva.igi@mail.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в представлении результатов исследования о влиянии значимости региональной и этнической идентичностей на формирование установок населения относительно проживания на определенной территории. Для достижения этой цели проанализированы данные социологического исследования, проведенного в двух регионах Северо-Востока России, в рамках которого выявлялись миграционные интенции и значимость региональной и этнической идентичности. Результаты исследования позволили выявить, что значимость как этнической, так и региональной идентичностей для жителей Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа обусловлена этнической принадлежностью опрашиваемого. Русское население Якутии и Чукотки по-разному воспринимает значимость региональной идентичности, что сказывается на миграционных интенциях. Этническая и региональная идентичность во многом имеют сходную значимость для коренных народов данных регионов, что не влияет на планирование направлений миграции, поскольку люди, чувствующие сильную привязанность к своему региону, реже планируют выезд.

Ключевые слова: региональная идентичность, миграционные интенции, этническая идентичность, Северо-Восток России, миграция.

Для цитирования: Васильева, О. В. (2025). О миграционных интенциях населения Северо-Востока России в контексте проблемы региональной и этнической идентичности. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 3. С.81-96. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.81-96.

CONCERNING MIGRATION INTENTIONS OF THE POPULATION OF THE NORTH-EAST OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF REGIONAL AND ETHNIC IDENTITY

O. V. Vasileva

Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow)
Ovasileva.igi@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify the importance of regional and ethnic identities in shaping the attitudes of the population towards living in a certain territory with the definition of features. To achieve this goal, we analyzed data from a sociological study conducted in two regions of Northeastern Russia, which recorded migration intentions and the importance of regional and ethnic identity. It is demonstrated that the importance of both ethnic and regional identities for residents of the Republic of Sakha (Yakutia) and the Chukotka Autonomous Okrug is differentiated depending on the ethnicity of the respondent. The Russian population of Yakutia and Chukotka

perceives the importance of regional identity differently, which affects migration intentions. Ethnic and regional identities overlap in many ways for the indigenous peoples of these regions, however, they have specific refractions in planning migration destinations. People who feel strongly attached to their region are less likely to plan a trip.

Keywords: regional identity, migration intentions, ethnic identity, Northeast of Russia, migration.

For citation: Vasileva, O. V. (2025). Concerning Migration Intentions of the Population of the North-East of Russia in the Context of the Problem of Regional and Ethnic Identity. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 3. Pp. 81-96. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.81-96.

Одной из важных проблем России называют диспропорцию размещения населения – слабую заселенность восточной части страны. Основная часть населения сосредоточена в европейской части страны, в то время как на просторах Сибири и Дальнего Востока, составляющих 66 % ее площади, проживает в общей сложности лишь 17,1 % населения [Крицкая, 2021, с. 25]. Это имеет своим следствием и проблемы экономического роста, и несет в себе угрозы национальной безопасности. Решающим фактором в смягчении и постепенном устранении значительных диспропорций в размещении трудовых ресурсов называют миграцию.

В российской традиции, корни которой уходят еще в советскую эпоху, при рассмотрении проблемы внутренней миграции делается акцент на ее экономических составляющих, в частности связанных с рациональным размещением трудовых ресурсов и формированием новых хозяйственных практик населения [Бляхер, Григоричев, 2020, с. 74]. В контексте данной традиции считается, что диспропорции в территориальном распределении населения внутри государства формируются под влиянием главным образом экономических факторов. Соответственно, решать проблему предлагается с помощью экономического стимулирования, но как показывают исследования в данной области, далеко не всегда эти процессы детерминируются исключительно экономическими факторами [Там же]. Как известно, миграционный процесс представляет собой взаимодействие двух противоположно направленных серий событий – прибытий и выбытий, и если обеспечить прибытие за счет экономического стимулирования оказывается возможным, то закрепить население на данной территории оказывается сложнее. Проблематика депопуляции восточных территорий страны за счет миграционного оттока тех ее жителей, которые родились и выросли на территории региона, демонстрирует, что важное значение имеет идентичность человека и ее проявление в чувстве приверженности региону – малой родине.

Сравнительно недавно региональная идентичность нередко характеризовалась лишь как явление, производное от этнической идентичности, возникающее только там, где этнические идентичности пересекаются на территории и порождают конфликт территориального характера [Смирнягин, 2007]. Однако в настоящее время, несмотря на то, что в повседневном дискурсе этническая и региональная идентичности могут пересекаться и дополнять друг друга, особенно в так называемых «национальных» республиках [Литвин, 2021], региональная идентичность рассматривается как самостоятельный онтологический феномен [Головнева, 2013, с. 81]. Она представляет собой форму коллективной идентичности, которая фиксирует связь с территорией и территориальным сообществом.

Для того, чтобы понять в какой мере региональная идентичность действительно важна для установки населения на проживание на определенной территории, в данной статье мы проанализируем результаты социологического исследования, проведенного в двух

национальных регионах Северо-Востока России, рассмотрим вопрос о том, как пересекаются миграционные интенции населения со значимостью этнической и региональной идентичностей.

Методика

В период с марта по апрель 2024 г. был проведен социологический опрос в рамках проекта «Патриотизм народов Северо-Востока России: большая и малая родина в нарративах жителей Якутии и Чукотки». Инструментарий исследования разработан коллективом этносоциологов ИГИиПМНС СО РАН (Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), включенных в реализацию проекта.

Методика исследования в обоих регионах представляет собой анкетный опрос населения по квотной половозрастной выборке, репрезентативной для генеральной совокупности населения региона. При этом погрешность выборки в Якутии (РС(Я)) с вероятностью 95 % не превышает 3 %, в Чукотском автономном округе (ЧАО) погрешность с вероятностью 95 % не превышает 5 %. В соответствии с этим опрос охватил в РС (Я) 1066, а в ЧАО – 370 единиц наблюдения.

Особенности выборочной совокупности в Якутии: 47,9 % опрошенных составляют мужчины, 52,1 % – женщины. Возрастные характеристики опрошенного населения: 18-22 года – 9,3 %, от 23–34 лет – 24,3 %, от 35–44 лет – 21,6 %, от 45 до 54 лет – 16,4 %, от 55-64 лет – 16 %, старше 65 лет – 12,3 %. Уровни реализации опроса: 58,1 % населения городов, 10,1 % – население поселков городского типа, 31,9 % – население сельской местности. В опросе приняли участие саха – 62,7 %, русские – 18,9 %, коренные малочисленные народы Севера – 7,7 %, другие – 8,9 %. Отказались от ответа на вопрос о национальности – 1,4 %. В указанной выборке 8,8 % опрошенных при этом указали на наличие второй этнической идентичности. Надо отметить, что среди ответов респондентов оказались и те, кто указал только гражданство – 4 человека назвали себя россиянами. Еще 4 указали себя россиянами в качестве второй имеющейся национальности.

Особенности выборочной совокупности в Чукотском автономном округе: 49,2 % опрошенных составляют мужчины, 50,8 % – женщины. Возрастные характеристики опрошенного населения: 18–22 года – 6,8 %, от 23–34 лет – 22,2 %, от 35–44 лет – 24,6 %, от 45 до 54 лет – 20,3 %, от 55–64 лет – 16,8 %, старше 65 лет – 9,5 %. Уровни реализации опроса: 50,3 % населения городов, 21,4 % – население поселков городского типа, 28,4 % – население сельской местности. В опросе приняли участие русские – 39,5 %, чукчи – 30,3 %, коренные малочисленные народы Севера – 13,5 %, другие – 6,2 %. Отказались от ответа на вопрос о национальности – 10,5 %. В данной выборке 13,8 % опрошенных, указавших национальность, заявили о наличии второй этнической идентичности. Первичные данные были обработаны с помощью программного обеспечения SPSS, результаты представлены методами описательной статистики. Использован такой инструмент анализа как кросс-табуляция.

Специфика регионов Северо-Востока страны и миграционной подвижности населения

Для того, чтобы раскрыть тему, начнем с характеристики двух регионов в контексте значения миграционных процессов для них. Население обоих регионов во многом сформировалось под влиянием миграционных процессов, начавшихся в советское время.

В Якутии наибольший прирост численности населения под влиянием миграции наблюдался в период с 1959 по 1989 гг., когда население Якутской АССР увеличилось на 121,9 %. Среднегодовые темпы прироста населения в этот период составили 4,1 %, в то время как в более ранние периоды они были значительно меньше: в 1897–1926 гг. – 0,2 %, 1926–1959 гг. – 2,1 % [Игнатьева, 1999]. Этот бурный рост населения был связан с реализацией экономической доктрины ускоренного промышленного освоения Якутии, возникновением алмазодобывающей промышленности на западе республики, а также промышленным освоением Крайнего Севера. Миграция тогда внесла значительные коррективы в этническую структуру городского населения, прежде всего за счет роста доли русских. Однако, помимо русских и саха, пятую часть всех городских жителей Якутии составляли представители иных этнических общностей [Васильева, 2020]. В 1990-е гг. переход к рыночной экономике и начало коренных социально-экономических преобразований в условиях гиперинфляции привели к тому, что северные и другие надбавки к зарплате перестали стимулировать приток трудовых мигрантов. Последовал значительный отток населения, который в меньшей мере продолжается и сейчас. В этот период происходит постепенное выравнивание этнодемографического веса якутов (саха) и русских, что приводит к формированию «новой» этнической картины региона.

В Чукотском автономном округе активный миграционный приток начался также в советский период. Население, особенно городское, увеличивалось как за счет миграционного притока из других регионов, так и за счет естественного прироста и достигло максимального показателя – 158 тыс. чел. в 1990 г. [Коломиец, 2022, с. 129]. Приток некоренного населения вызвал изменение в национальном составе населения главным образом за счет увеличения удельного веса русских и снижения доли коренных малочисленных народов Севера в составе населения. Заметные сдвиги произошли в урбанизированности последних. В постсоветское время этнодемографическая ситуация в Чукотском автономном округе характеризовалась уменьшением числа постоянных жителей, ростом доли городского населения, увеличением доли коренных малочисленных народов Чукотки в этнической структуре региона [Коломиец, 2024].

Таким образом, следует отметить, что в двух регионах проживает значительная часть населения, которая не имеет глубоких корней в регионе (одно-два поколения). К настоящему моменту в Якутии – это меньшая часть населения, а на Чукотке – доминирующее большинство. В то же время значительную часть населения составляют представители коренных народов, для которых их региональная и этническая идентичности во многом пересекаются.

Миграционные намерения населения

Для прояснения вопроса связи миграции и идентичности обратимся к результатам анкетного опроса. Респондентам было предложено ответить на вопрос «Хотели бы Вы уехать из населенного пункта, в котором живете в настоящее время?».

Как видно на рис. 1, разрыв между долей утвердительных ответов в Якутии и на Чукотке не так велик на первый взгляд – 7 п. п. Тем не менее общая картина ответов демонстрирует, что уровень миграционных намерений более присущ опрошенным на Чукотке. И также больше опрошенных чукотских респондентов затрудняются ответить на вопрос о миграционных намерениях – это лица, еще не определившиеся со своими намерениями, но имеющие сомнения по поводу постоянного места жительства.

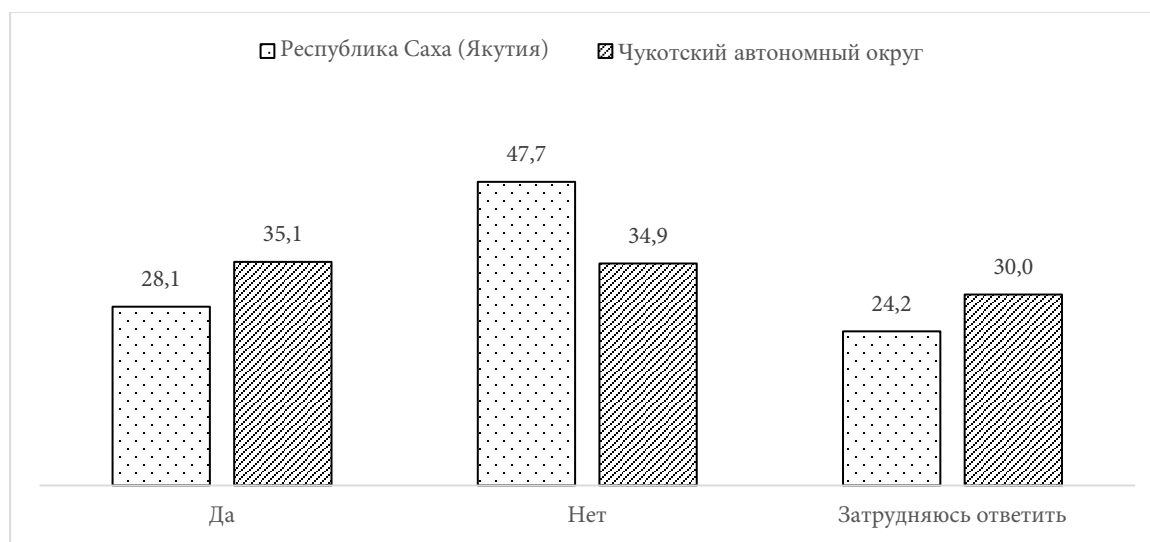

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос
«Хотели бы Вы уехать из населенного пункта, в котором живете в настоящее время?» в РС (Я) и ЧАО, в %

Следует отметить, что, как в РС (Я), так и в ЧАО, на следующий уточняющий вопрос «Если Вы хотите уехать, то куда?» большее число лиц ответило утвердительно, по сравнению с тем числом, которое ответило на предыдущий вопрос. Здесь почти полностью были аккумулированы ответы тех, кто на предыдущий вопрос выбрал вариант «затрудняюсь ответить», а также тех, кто, отвечая на предыдущий вопрос, указал на отсутствие планов переезда в настоящее время, но счел возможным указать свои пожелания при изменении ситуации.

При рассмотрении направлений миграционных планов необходимо отметить, что наблюдаются существенные отличия. В Якутии отмечается сравнительно более высокий уровень запланированных передвижений внутри республики – 22,3 % (см. рис. 2), против 10,5 % на Чукотке.

Здесь следует отметить, что в Республике Саха (Якутия) с 2000 по 2023 гг. в среднем в структуре общей миграции миграционный обмен внутри республики составляет 56,0 % – преимущественно из села в город. Эта же тенденция отразилась в данных анкетного опроса. Обращает на себя внимание, что среди чукотских респондентов тенденции к переезду внутри региона более слабые, однако также отмечается, что есть тенденция оценивать перемещения внутри региона иначе, чем переезд в другой регион. Из числа имеющих миграционные намерения всего 7,7 % планируют переезды внутри округа, хотя «процесс переселения жителей из сельской местности в крупные поселки и города Чукотки продолжается в настоящее время» [Коломиец, 2020, с. 210].

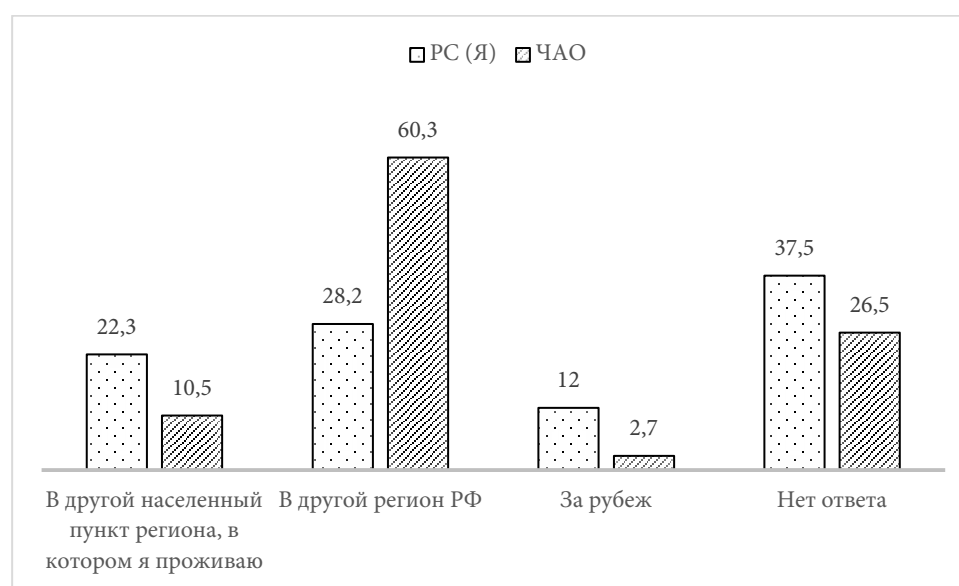

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос
«Если Вы хотите уехать, то куда?» от общего числа ответивших в РС (Я) и ЧАО, в %

Намерения миграции в другие регионы РФ значительно более распространены на Чукотке. Дело в том, что современное население Чукотки в значительной части представлено мигрантами из других регионов, приехавших на заработки и намеренных впоследствии вернуться в регион исхода. «Выезд граждан за пределы округа на постоянное место жительства в другие регионы страны носит постоянный характер. Сложившаяся ситуация прежде всего связана с низким качеством жизни на Чукотке» [Коломиец, 2020, с. 210]. Все это свидетельствует о разном характере формирования миграционных намерений в двух регионах обследования. На Чукотке даже при отсутствии текущих планов переезда большинство населения рассматривает возможность переезда в будущем.

В РС (Я) обращает на себя внимание результат ответов о намерении выехать за рубеж. Представляется, что 12 % – это довольно значительная цифра. Можно предположить, что отчасти желание переехать за рубеж стимулируется текущей политической ситуацией. Дело в том, что доля такой миграции ранее не была высока. С 2000 г. миграционный обмен Якутии со странами СНГ составляет 11,5 % и дальнего зарубежья – 0,4 %. При этом миграционный обмен со странами СНГ был преимущественно односторонний.

Миграционные намерения представителей этнических групп

Далее для того, чтобы прояснить роль этнической принадлежности в формировании миграционных интенций, вопрос о миграционных намерениях был проанализирован в срезе этнической принадлежности респондентов (см. табл. 1). В общем массиве данных по РС (Я), рассмотренном в разрезе этнической принадлежности респондентов, выделяются следующие тенденции: наибольшая доля тех, кто не намерен менять место жительства, наблюдается среди КМНС и якутов. Наиболее уверенны в желании сменить населенный пункт проживания русские респонденты. Представители иных национальностей чаще затрудняются дать ответ на этот вопрос.

Таблица 1

**Миграционные намерения в зависимости от этнической идентичности респондента
в РС (Я) и ЧАО, в %**

Регион	Республика Саха (Якутия)			Регион	Чукотский автономный округ		
	Варианты ответа				Варианты ответа		
Национальность	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Национальность	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Якуты (саха)	26,50	50,40	23,10	Чукчи	25,90	42,80	31,30
Русские	36,50	36,50	27,00	Русские	39,70	29,50	30,80
КМНС	28,00	58,50	13,50	КМНС	34,00	48,00	18,00
Другие	23,40	39,40	37,20	Другие	39,10	26,10	34,80

В Чукотском автономном округе наибольшая доля тех, кто не намерен менять место жительства, также наблюдается среди коренного населения региона – чукчей и иных КМНС: эвенов, эскимосов, чуванцев. Однако разница между ответами этих двух групп населения состоит в том, что среди чукчей сравнительно больше доля затруднившихся ответить, в то время как среди других КМНС региона чаще отмечается намерение уехать из населенного пункта проживания. О своем намерении уехать заявляет почти 40 % как респондентов русской национальности, так и представителей других национальностей.

Далее рассмотрим вопрос о направлениях возможной миграции в проекции этнической идентичности респондентов. В РС (Я) якуты и КМНС оказались схожи в ответах относительно направлений миграции. Большая часть из них указала о намерениях миграции внутри республики – 42,9 % якутов (саха) и 40,4 % КМНС от числа, указавших направление. Среди них также заметным является число людей, указавших на намерение выехать за рубеж – 21,9 % среди саха и 25,5 % среди КМНС. Лишь 35,2 % якутов и 34 % КМНС рассматривают возможность переезда в другой регион России. Напротив, русское население, а также те, кто указал иную национальность, чаще отмечают в качестве направления переезда другие регионы РФ (см. рис. 3).

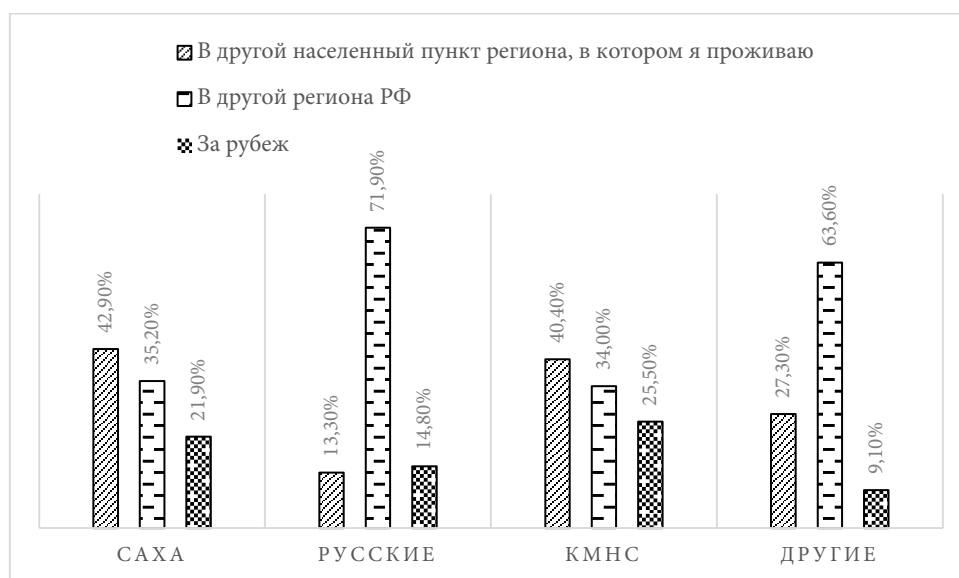

Рис. 3. Направления возможной миграции в зависимости от этнической принадлежности респондента
от числа указавших ответ в РС (Я), в %

Иначе выглядит распределение ответов на вопрос о возможных направлениях миграции в Чукотском автономном округе. Здесь среди всех этнических групп респонденты, указавшие направление миграции, намерены переехать в другой регион РФ. Чуть большее значение тех, кто намерен уехать за рубеж, имеется у КМНС региона (исключая чукчей) и тех, кто указал иную национальность. О намерении переехать внутри региона чаще заявляли чукчи и представители других национальностей (см. рис. 4).

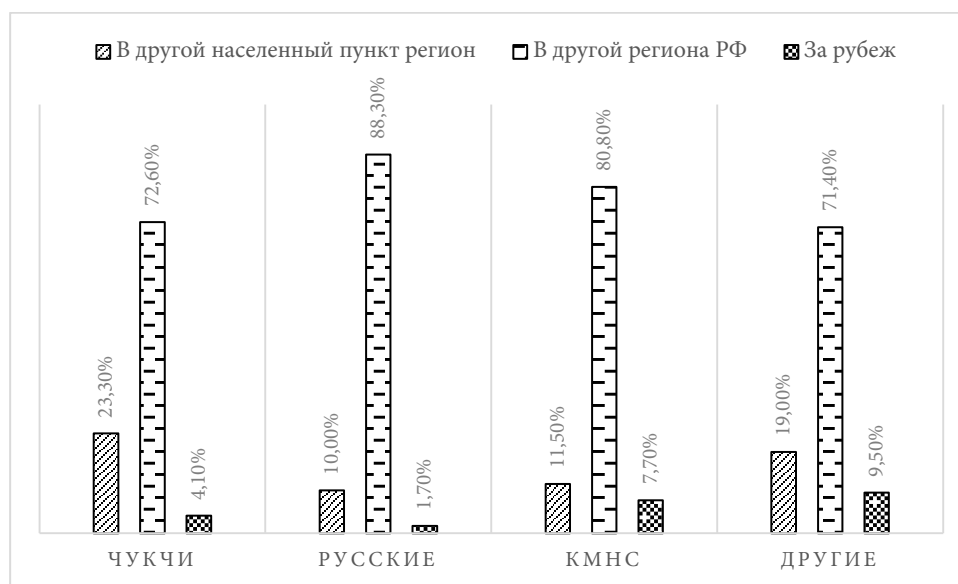

Рис. 4. Направления возможной миграции в зависимости от этнической принадлежности респондента от числа указавших ответ в ЧАО, в %

В целом можно заключить, в Якутии, при достаточно небольшой доле желающих сменить место жительства среди коренных народов, было выявлено, что направления миграции в другой регион РФ и за рубеж не сильно отличаются по своей популярности. Разница составляет лишь 13–10 п. п. Эти данные требуют дополнительных исследований.

Важно также отметить, что, если сравнить миграционные интенции на переезд в другой регион у русского населения Чукотки и Якутии, а также у представителей группы «другая национальность», они в целом выглядят схожим образом. Таким образом, интерпретация данных в целом по массиву по регионам находится в зависимости от доли коренного населения в их составе.

Значимость региональной и этнической идентичности и миграционные интенции

Исследование показало, что 85,4 % опрошенных в ЧАО и 92 % в РС (Я) указали, что для них важна их этническая принадлежность. 83 % в ЧАО и 92,9 % в РС (Я) также отметили, что для них важно осознавать себя жителем региона. Анализ результатов опроса в этническом срезе показал, что представители разных этнических групп по-разному оценивают для себя значение этнической и региональной идентичностей (табл. 2).

Таблица 2

**Значимость этнической и региональной идентичностей
в разрезе этнической принадлежности респондента, в %**

Национальность респондента	Этническая идентичность			Региональная идентичность		
	Очень важно	Важно	Неважно	Очень важно	Важно	Неважно
Республика Саха (Якутия)						
Якуты	52,4	41,5	6,1	55,8	40,4	3,8
Русские	38,3	44,4	17,3	34,5	48	17,5
КМНС	56,2	38,8	5	48,1	45,6	6,3
Другие	50	45,7	4,3	38,7	52,7	8,6
Чукотский автономный округ						
Чукчи	53,6	39,3	7,1	59,8	35,7	4,5
Русские	37,0	43,2	19,9	21,9	50,7	27,4
КМНС	60	38	2	56,0	38,0	6,0
Другие	30,4	56,5	13	21,8	56,5	21,7

Характерно, что в обоих регионах уровень значимости региональной идентичности выше этнической у так называемой титульной этнической группы, давшей название региону.

Для русских, опрошенных в РС (Я) и в ЧАО, характерна примерно одинаковая значимость этнической идентичности, в то время как значимость региональной идентичности существенно различается. Русские в Якутии чаще выбирали ответы «очень важно» и «важно», в то время как более четверти опрошенных на Чукотке заявляли о том, что для них не важно осознавать себя жителем региона. Исследователи говорят в данном случае об особом типе регионального сообщества, для которого миграция – естественная форма существования. Это сообщество образуют те, кто остался от входящих миграционных потоков, те, кто, даже вполне адаптировавшись к местным реалиям, продолжает ощущать себя в регионе скорее «гостем». Внешнее сообщество по определению обладает для них более высоким статусом [Бляхер, Григоричев, 2020, с. 82].

Влияние значимости этнической и региональной идентичностей на миграционные настроения также проявляется в результатах опроса. Необходимо отметить, что оценка значимости региональной идентичности играет существенную роль в формировании миграционных намерений в Якутии. У тех якутов (саха) и русских, у кого по результатам опроса не актуализирована региональная идентичность, наблюдается более высокий уровень намерений покинуть населенный пункт проживания. Среди тех якутов (саха), для которых не важна их региональная идентичность, лишь 8 % заявляют о том, что не имеют миграционных намерений, 48 % ответили, что имеют подобные планы, и 44 % затруднились ответить. В то время как те, кто считает, что для них очень важна их региональная принадлежность (58,8 %), заявили об отсутствии планов переезда, и лишь 23,3 % высказались о намерениях сменить место жительства. Среди русских Республики Саха (Якутия) тоже выявилась схожая тенденция. Об отсутствии планов переезда чаще заявляли те русские респонденты, которые считают для себя региональную идентичность «очень важной» – 44,8 %, «важной» – 34,8 %. Такой же показатель (23,5 %) у тех, кто указал, что для них не важна их региональная идентичность. Проявленная интенция к переезду более выражена для тех, кто имеет неактуализированную региональную идентичность – 47,1 %, и менее выражена у тех, кто считает для себя важным чувствовать себя жителем региона

(«очень важно» – 31,3 %, «важно» – 38 %). Анализ ответов на вопрос о желаемом направлении миграции демонстрирует, что отсутствие региональной идентичности приводит к увеличению желающих выехать за пределы региона.

Наличие значимости этнической идентичности снижает вероятность формирования миграционных намерений у якутов (саха), русских и представителей КМНС. В данном случае этническую идентичность, приверженность этнической группе можно рассматривать как стремление к сохранению связей внутри сообщества. Расселение якутов в рамках страны нельзя назвать дисперсным, в этом отношении стабильно сохраняется ситуация, при которой в границах Республики Саха (Якутия) проживают 98,9 % всех россиян, указавших свою принадлежность народу саха (якутам).

Интересными следует назвать данные по русским Якутии. Значимость этнической идентичности оказывается связанной с миграционными намерениями. Те русские, кто указал на важность для них их этнической принадлежности, лишь в 34,8 % случаях заявляли о наличии миграционных намерений, в то время те, кто имеет неактуализированную этническую принадлежность, отмечали наличие желания переехать в 50 % случаев. Понятно, что переезд в другой регион России вряд ли повлиял бы на возможность взаимодействия с представителями своей этнической группы, но, можем предположить, что речь идет о локальных особенностях регионального сообщества, важных для респондентов.

Относительно выбора направления миграции у русских не обнаружено разницы ответов при отсутствии или наличии значимости этнической и региональной принадлежности. У саха несколько иная ситуация: так, неактуализированная региональная идентичность повышает вероятность переезда в другой регион, в то время как неактуализированная этническая идентичность повышает количество желающих выехать за рубеж. Можно отметить, что отсутствие значимости региональной идентичности у респондентов якутов (саха) в сравнении с данными по значимости этнической идентичности, демонстрирует у них более существенное значение региональной идентичности для формирования желания остаться в регионе у якутов (саха).

На Чукотке у нас была использована выборка с меньшим количеством случаев, и в силу этого мы не можем проанализировать более детально ответы в разрезе этнической принадлежности респондентов. Уместно рассмотреть, пожалуй, только данные по русским Чукотки, поскольку в выборке данная группа была более широко представлена. Результаты исследования по данной группе показали, что значимость региональной идентичности имеет определенную связь с их миграционными интенциями. Те, кто отметили, что для них региональная идентичность «очень важна», лишь в 25 % случаев заявляли о планах переезда, в то время как среди тех, кто выбрал ответ, что данная идентичность не имеет важности для респондента, 70 % указали наличие миграционных интенций.

Среди тех, кто имеет актуализированную региональную идентичность, наблюдается сравнительно больше планов переезда внутри региона (21,3 % среди тех, кто, отвечая на вопрос о значимости региональной идентичности, отметил вариант «очень важно», против 12,9 % среди тех, кто ответил «важно», 8,3 % – «неважно»). Однако общий тренд среди тех, кто намерен покинуть населенный пункт проживания, состоит в желании переехать в другой регион России.

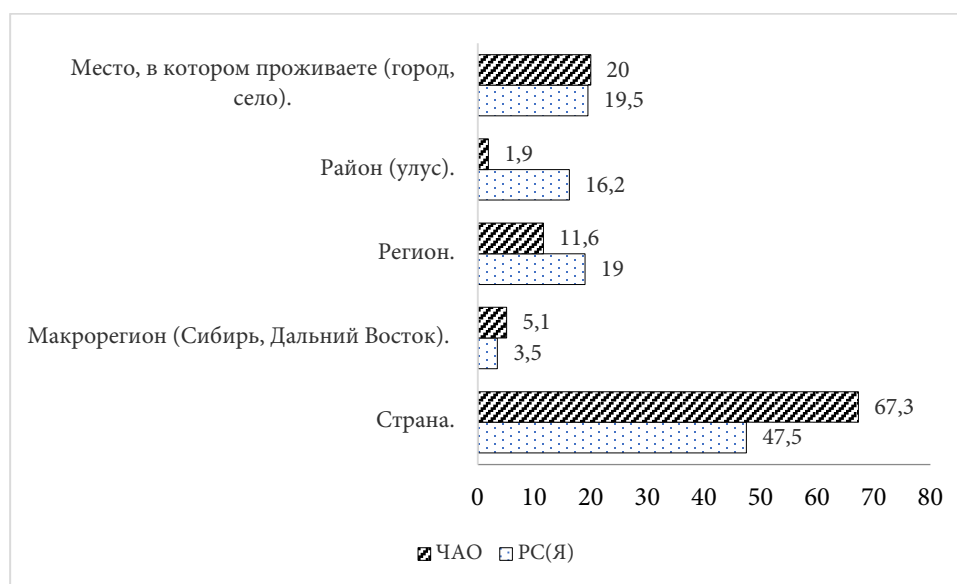

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос

«Что из перечисленного Вы в первую очередь относите к понятию Родина для себя?» в РС (Я) и ЧАО, в %

Характерно, что участники опроса в двух регионах по-разному отвечали на вопрос о том, что для них является Родиной в первую очередь. Конечно, доминирующим ответом в обоих регионах был ответ, что «Родина – это страна». Тем не менее, следует отметить, что на Чукотке его выбирали значительно чаще, чем в Якутии. В свою очередь, в Якутии сравнительно чаще отмечали, что Родина – это регион, а некоторые даже сужали его до муниципального образования – района. Если в региональной идентичности разрыв между регионами составляет только 7,4 п. п., то в идентификации с муниципальными районами 14,3 п. п. Характерно, что на этом фоне ответы респондентов в двух регионах почти солидаризировались в отношении значимости населенных пунктов проживания, – до 20 % участников опроса, как в Якутии, так и на Чукотке, связывают понятие Родина именно непосредственно с местом своего проживания (рис. 5). В этом регионы оказались схожи в отличие от других территориальных экспликаций понятия. В свою очередь, макрорегионы также оказались не актуализированы в обоих случаях – и для респондентов Якутии (3,5 %), и Чукотки (5,1 %). Это несколько противоречит политике государства, направленной на увеличение значимости макрорегионов.

Обсуждение результатов

Как показало наше исследование, региональная идентичность хотя и пересекается с этнической идентичностью для тех групп, которые дали название регионам, тем не менее имеет и свой специфический статус, проявляющийся в том числе в ее влиянии на миграционные интенции населения.

Как считают специалисты, региональная идентичность – это, прежде всего, переживаемые и осознаваемые людьми ценности определенной системы локальной общности, которые, в свою очередь, формируют чувство территориальной принадлежности индивида и группы [Еремина, 2012, с. 280]. Именно поэтому считается, что вопрос

региональной идентичности в этом случае несет витальный смысл, особенно для районов Севера и Арктики, где условия жизни далеки от комфортабельных. Но как показывают исследования, подавляющее большинство жителей дальневосточных регионов (76 %) хотя и отмечают у себя региональную идентичность [Бляхер, Григоричев, 2020, с. 82], тем не менее, могут ощущать связь с другими внешними сообществами как более важную для себя. Региональное сообщество, большинство членов которого нацелено только на временное проживание в регионе, тем не менее объединяется опытом проживания здесь, и это само по себе оказывает существенное влияние на самосознание индивида. Возможно, в этом случае региональная идентичность ощущается как важный факт биографии, который навсегда создает связь между теми, кто его имеет. В результате, даже переезжая, они «формально, полностью утратив связь с Дальним Востоком, соединяют сообщества востока и запада через сообщества и неформальные землячества» [Там же, с. 89].

Это происходит, по всей видимости, в виду особенностей пространственного расположения регионов и их некоторой мифологизации и экзотизации в массовом сознании россиян. Территориальная удаленность и автономия заложили понимание макрорегиона, к которому относятся регионы обследования, как замыкающей части в контексте образных схем «центр – периферия», «исходный пункт – путь-цель», с помощью которых во многом осмысляются отношения центра и регионов в составе государства. Она присутствует в названии макрорегиона, к которому относятся регионы обследования, – Дальний Восток. Это создает множество сюжетов для интерпретаций, в том числе и для самих жителей Якутии и Чукотки. По всей видимости, это проявилось отчасти и в результатах опроса.

Несколько иначе следует расценивать региональную идентичность представителей коренных народов регионов обследования. Этническая и региональная идентичности оказываются во многом связанными, но все же не полностью конгруэнтными. Региональная идентичность для так называемых титульных этнических групп отчасти является отражением процессов территориализации этнической идентичности, которые произошли в советский период. Однако представляется, что не исчерпывается этим. Многие участники опроса якутской национальности, к примеру, имеют представление о родине как о более локальной территории. В то же время не все исследователи разделяют позицию о положительном значении региональной идентичности. Они напоминают, что опыт истории развития страны демонстрирует, что мобилизация регионального сознания населения политическими силами производится в разных интересах, в том числе в интересах утверждения собственной государственности [Галактионова, 2010, с. 258]. Представляется, что подобные опасения в настоящее время можно назвать преувеличенными, – напротив, для регионов Северо-Востока это ресурс сохранения территории, заселенной и развивающейся.

В управленческой практике региональный (местный) патриотизм оценивают как значимый ресурс, как фактор развития и продвижения малой родины в социальном пространстве. Местный патриотизм может служить импульсом для различных преобразований, почвой для инициирования органами власти, населением, гражданскими институтами социально значимых, преобразующих социальное пространство проектов и акций [Щукина, Вяткина, 2022, с. 105]. Следует учитывать патриотические настроения этнических групп как потенциал для гражданского участия в активном преобразовании социальной среды и повышения социально-экономического развития территорий. Примеры успешной деятельности местных сообществ, связанной с осознанным отношением к месту

своего проживания и ответственностью за его развитие, уже имеются в российской практике [Бреславский, 2021]. Представляется, что все же должен быть соблюден баланс участия во внутренней миграции представителей различных национальностей. Дело в том, что миграционный опыт человека, снижая его привязанность к конкретной территории, расширяет представление о его малой родине как части территории всей страны и формирует более осознаваемую ментальную связь с Россией в целом. Известно, что еще в советское время русские, являясь наиболее подвижными в миграционном отношении [Куличенко, 1981], в большей мере разделяли советскую идентичность. В свете данных обстоятельств при управлении миграционным движением важно создавать для населения не только материальные стимулы, но и условия для осознания человеком связей с данной территорией, позитивной идентификации с местностью и регионом.

Важно отметить, что полученные результаты интересным образом соотносятся с исследованиями, которые демонстрируют, что потенциальные мигранты – это не всегда люди с плохим социальным самочувствием [Абрамова, 2018, с. 138]. Иными словами, влияние экономического фактора не всегда сказывается на миграционных интенциях однозначным образом, и повышение качества жизни и удовлетворенность жизнью в регионе, например, может подталкивать к переезду для дальнейшего приращения социального капитала и увеличения объема возможностей. Это еще раз подкрепляет представление о необходимости развития региональной идентичности и повышения символической значимости регионов.

Заключение

Исследование продемонстрировало высокую значимость как этнической, так и региональной идентичностей для жителей Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа. Региональное самосознание наиболее высоко среди коренных народов регионов, однако и жители русской национальности подчеркнули свое чувство связи с этими территориями. Региональная идентичность оказывает значительное влияние на формирование миграционных настроений. Люди, чувствующие сильную привязанность к своему региону, реже планируют выезд. Особенно ярко эта закономерность проявлена среди якутов (саха).

Важным выводом исследования следует назвать то, что высокий уровень значимости этнической идентичности ассоциируется с низким уровнем миграционной активности не только у представителей коренных для регионов этнических групп, но и у русского населения. Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее стабильное население представлено теми, кто подчеркивает свою принадлежность к этнической общности. Для русских жителей Чукотки региональная идентичность также имеет определенное значение в принятии решений о смене места жительства. Сильная связь с территорией Чукотки сравнительно чаще определяет интенцию к переезду внутри региона. Тем не менее, независимо от уровня идентификации с регионом, многие стремятся к перемещению за пределами Чукотки и здесь включаются факторы иного уровня. Жители Чукотки демонстрируют более низкую степень закреплённости в региональном пространстве, что связано с историческими процессами освоения территорий и особенностями демографической динамики.

Таким образом, исследование позволяет сделать вывод о значительной роли культурных факторов, особенно региональной и этнической идентичностей, в процессе принятия решения о миграции населением отдаленных северных регионов России.

Список литературы / References

Абрамова, М. А. (2018). Образовательные траектории и миграционные намерения как показатель адаптированности современной молодежи. *Миграционные процессы в Сибири: народы, культуры, государственная политика*. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Под ред. М. А. Жигуновой, И. И. Кротта. Омск: Издательский центр КАН. С. 129-139.

Abramova, M. A. (2018). Educational Trajectories and Migration Intentions as an Indicator of Adaptation of Modern Youth. In Zhigunova, M. A., Krott, I. I. (eds.) *Migration Processes in Siberia: Peoples, Cultures, and State Policy*. Omsk. Pp. 129-139. (In Russ.)

Бляхер, Л. Е., Григоричев, К. В. (2020). Внутренняя миграция как политическая проблема, или как и почему уезжают жители Дальнего Востока России. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. (Журнал политической философии и социологии политики)*. № 1 (96). С. 74-97.

Bliakher, L. E., Grigoriev, K. V. (2020). Internal Migration as a Political Problem, or why and how Residents of the Russian Far East Move out. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. Vol. 1 No. 96. Pp. 74-97. (In Russ.)

Бреславский, А. С. (2021). Территориальное общественное самоуправление в современной Бурятии: условия устойчивого развития. *Крестьяноведение*. Т. 6. № 2. С. 79-98.

Breslavsky, A. S. (2021). Territorial Public Self-Government in Contemporary Buryatia: Factors of Sustainable Development. *Russian Peasant Studies*. Vol. 6. No. 2. Pp. 79-98. (In Russ.)

Васильева, О. В. (2020). *Этничность и общество: социологический анализ*. Якутск. 151 с.

Vasileva, O. V. (2020). *Ethnicity and Society in the Republic of Sakha (Yakutia): Sociological Analysis*. Yakutsk. 151 p. (In Russ.)

Галактионова, Н. А. (2010). Особенности современных процессов регионализации и формирования региональной идентичности. *Регионология*. № 2 (71). С. 257-264.

Galaktionova, N. A. (2010). Peculiarities in Modern Processes of Regionalisation and Formation of Regional Identity. *Russian Journal of Regional Studies*. Vol. 2. No. 71. Pp. 257-264. (In Russ.)

Головнева, Е. В. (2013). Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения. *Уральский исторический вестник*. № 2 (39). С. 81-88.

Golovneva, E. V. (2013). Regional identity: theoretical research aspects. *Ural Historical Journal*. No. 2 (39). Pp. 81-88. (In Russ.)

Еремина, Е. В. (2012). Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России. *Социально-гуманитарные знания*. № 5. С. 276-287.

Eremina, E. V. (2012). The Concept of Regional Identity and the Specifics of its Formation in Modern Russia. *Social and Humanitarian Knowledge*. No. 5 Pp. 276-287. (In Russ.)

Игнатьева, В. Б. (1999). *Республика Саха (Якутия): ретроспектива этнополитической истории*. Новосибирск. 140 с.

Ignatieva, V. B. (1999). *Republic of Sakha (Yakutia): a Retrospective of Ethnopolitical History*. Novosibirsk. 140 p. (In Russ.)

Коломиец, О. П. (2020). Особенности современных миграционных процессов на Крайнем Северо-Востоке России (Чукотский вариант). *Власть и управление на Востоке России*. 2020. № 4 (93). С. 207-214. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-207-214

Kolomiets, O. P. (2020). Features of Modern Migration Processes in the Far North-East of Russia (Chukotka Version). *Power and Administration in the East of Russia*. No 4 (93). Pp. 207-214. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-207-214

Коломиец, О. П. (2022). Этнодемографическая характеристика населения Чукотки. *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. Т. 9. № 4 (36). С. 127-142.

Kolomiets, O. P. (2022). Ethno-Demographic Characteristics of the Population of Chukotka. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. Vol. 9. No. 4 (36). Pp. 127-142. (In Russ.)

Коломиец, О. П. (2024). Результаты Всероссийской переписи населения 2020 г. на Чукотке. *Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН*. № 3. С. 120-127.

Kolomiets, O. P. (2024). Results of the All-Russia Population census 2020 in Chukotka. *The Bulletin of the North-East Scientific Center*. No. 3. Pp. 120-127. (In Russ.)

Крицкая, А. А., Шумилина, А. Б., Дряев, М. Р. (2021). Обзор проблематики неравномерности расселения жителей по территориям федеральных округов Российской Федерации и формирование индексов рациональности как инструментов демографической политики государства. *The Scientific Heritage*. № 63. С. 21-31.

Kritskaya, A. A., Shumilina, A. B., Dryaev, M. R. (2021). Review of the Problem of Uneven Settlement of Residents across the Territories of the Federal Districts of the Russian Federation and the Formation of Indices of Rationality as Tools of the Demographic Policy of the State. *The Scientific Heritage*. No. 63. Pp. 21-31. (In Russ.)

Куличенко, М. И. (1981). *Расцвет и сближение наций в СССР*. М.: Изд-во «Мысль». 444 с.

Kulichenko, M. I. (1981). *Prosperity and Rapprochement of Nations in the USSR*. Moscow. 444 p. (In Russ.)

Литвин, Ю. В. (2021). «Найди отличия»: региональная и этническая идентичность в материалах интервью с карелами. *Альманах североевропейских и балтийских исследований*. № 6. С. 308-315.

Litvin, Yu. V. (2021). "Find Differences": Regional and Ethnic Identity in the Materials of Interviews with Karelians. *Nordic and Baltic Studies Review*. No. 6. Pp. 308-315. (In Russ.)

Смирнягин, Л. В. (2007). О региональной идентичности. *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран*. Вып. 17: Меняющаяся география зарубежного мира. М. С. 21-49.

Smirnyagin, L. V. (2007). Concerning Regional Identity. In *Issues of Economic and Political Geography of Foreign Countries*. Iss. 17. *The Changing Geography of the Foreign World*. Moscow. Pp. 21-49. (In Russ.)

Щукина, Р. И., Вяткина, Н. В. (2022). Региональный патриотизм как фактор развития территории. *Вестник Прикамского социального института*. № 3 (93). С. 103-109.

Schukina, R. I., Vyatkina, N. V. (2022). Regional Patriotism as a Factor of Territorial Development. *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*. No. 3 (93). Pp. 103-109. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Васильева Ольга Валерьевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук, г. Москва, Ленинский пр., 32а, email: Ovasileva.igi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9992-4163>.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2025

После доработки: 02.09.2025

Принята к публикации: 15.09.2025

Vasileva Olga – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher at the Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Leninsky pr., 32a, email: Ovasileva.igi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9992-4163>.

The paper was submitted: 11.08.2025

Received after reworking: 02.09.2025

Accepted for publication: 15.09.2025